

Семен Иванович Мазюк, в прошлом один из жителей села Белосток Кривошеинского района, военным никогда не был: к началу первой империалистической ему всего семь лет исполнилось, а до Великой Отечественной дожить было не суждено...

И все же отношение к военным, пусть даже и косвенное, имел - работал помощником бухгалтера военстроя Сибирского военного округа, проживал с женой в одном из бараков Томского военного городка. Там его и арестовали 13 июня 1938 года.

Как свидетельствуют документы его архивно-следственного дела, арестован он был как один из участников якобы действовавшей и ликвидированной в Томске шпионско-диверсионной группы, состоящей из поляков, работавших в воинских частях и на предприятиях города.

Кроме С.И.Мазюка и чернорабочего военстроя Сибирского военного округа Егора Зарецкого, в указанной группе "состояли" люди действительно военные и известные в своих кругах: Даниил Емельянович Потребо, майор Красной Армии, преподаватель томских курсов усовершенствования комсостава РККА; Иосиф Станиславович Добржанский, капитан Красной Армии, военный преподаватель Томского артучилища; Павел Петрович Лукашук, до 1934 года - начальник подразделения войск ОГПУ по охране томской железной дороги, но после контрольной партийной комиссией исключенный из партии "за развал воинской дисциплины личного состава и скрытые пребывания своей добровольной службы в колчаковской милиции" и, естественно, уволенный с военной службы; перед арестом работал командантом учетно-кредитного техникума.

Но если у Лукашука и было "темное прошлое", за которое легко уцепились органы НКВД, то в биографии Потребо и Добржанского, казалось, ничто не могло угрожать их будущему.

Так, Добржанский родился в крестьянской семье под Минском, после окончания педагогического техникума работал учителем, в конце двадцатых годов поступил в Московскую академию им. Крупской. После ее окончания был направлен в распоряжение Ленинградского военного округа, а уж затем - в Томское артиллерийское училище преподавателем истории СССР.

Как видно из документов, и в артучилище Добржанский был не на последнем месте. В характеристике, выданной ему за полгода до ареста, сказано, что Иосиф Станиславович "идеологически устойчив, политически развит и подготовлен, в партийной работе активный, состоит членом партийного бюро училища и членом парткомиссии; ...иногда в работе проявляет излишнюю горячность... но как член партии и как преподаватель никаких сомнений не вызывает".

Подобные положительные характеристики, вплоть до 37-го года, были и в послужном списке Даниила Емельяновича Потребо. Оставшись в восемь лет без родителей, он в своей же деревне был отдан "на прокормление": весной и летом пас скот, а зимой учился. В 1909 году уехал в столицу и поступил в портновскую мастерскую в качестве посыльного, где и проработал до начала войны.

В 1915 году был призван на военную службу; в Красную Армию вступил в 1918 году; закончил артиллерийские курсы и, получив звание красного командира, участвовал в боях против денкинцев, подавляя восстание в Армавирском районе, в августе 21-го года принимал участие в военных действиях против врангелевцев.

С 32-го по 37-й год Потребо служил в 78-м томском арtpолку в должности от начальника штаба до командира полка.

Революционно-чехистской была также и биография его братьев, о которых

он написал в 36-м году в своей автобиографии следующее: "...нас всех братьев было пять человек. В настоящее время за границей в Польше должны проживать три брата: Михаил, Григорий и Степан. До 28-го года я совершенно не знал, живы ли они. Но в 28-м году от двоюродного брата в Ленинграде узнал, что старший брат Михаил во время октябрьского переворота командовал ротой и охранял Смольный, а когда разрешили - уехал на родину. Младший брат Степан участвовал в процессе Белорусской команды и был осужден, а его имущество сожжено поляками. Брат Иван был председателем ЧК в г. Орджоникидзе, но за дискредитацию ГПУ (убил у себя в кабинете во время допроса князя) был приговорен к расстрелу. Расстрел отложили и послали учиться в Московский институт им. Плеханова. После окончания института он работал в Колхозцентре. В институте во время партийной дискуссии как будто стоял за Троцкого, но после разъяснения ЦК от оппозиции

отпал. Из Москвы уехал по мобилизации в Туркестан, и точного места пребывания его сейчас не знаю..."

Эти-то строки из биографии о братьях в Польше и брате-троцкисте и стали кончиком той нити, за которую ухватился всезудущий НКВД.

Даниил Потребо был очень скоро исключен из рядов партии, а затем уволен из РККА. По логике, вслед за увольнением следовало ждать ареста.

Арестован он был в июле 38-го года сотрудником горотдела НКВД Щербининым. Кстати, этот сержант госбезопасности арестовывал и других "однодельцев" Потребо, допрашивал и составлял обвинительные заключения.

В результате "дознавательской" работы сержанта Щербинина и его начальника Горбенко в отношении Потребо и других появилось обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: "...названная группа являлась одной из резидентур разветвленной сети польской разведки на территории Западной Сибири, которая ста-

вила перед собой задачу активной диверсии, шпионажа и подрыва мощи Красной Армии в тылу страны в момент войны фашистских государств против СССР.

Руководителем шпионско-диверсионной группы, существующей в воинских частях, являлся польский разведчик Даниил Емельянович Потребо. Он в 27-м году был завербован польской разведкой и по ее указаниям проводил на территории СССР контрреволюционную и шпионско-диверсионную работу против Советской власти. В 31-м году по заданию польского агента Стриде переехал в Томск и увязался с польским разведчиком Добржанским, с которым создал националистическую группу, куда вовлекли командира запаса, в последнее время работавшего в техникуме, Лукашука Павла Петровича, преподавателя томских курсов усовершенствования комсостава запаса В.Н.Рачковского и С.И.Груздева, офицера царской армии, исключенного из рядов ВКП (б).

Добржанский И.С., завербованный в 1932 г. в Москве польским разведчиком Адамовичем Э.И., завербовал в Томске преподавателя Томского артучилища Гурьева К.М. и зав. шорной мастерской Рудько В.М. В 35-м году передал шпионские сведения о применении новейших видов вооружения РККА, о политических настроениях и экономическом положении курсантов, пропускной способности артучилища; во время проведения занятий с курсантами протаскивал контрреволюционные троцкистские идеи и высказывания, а также допускал пораженческие взгляды при проработке истории ВКП (б), срывал политмасловую работу в школе и не реагировал на факты морального разложения и антисоветского проявления отдельных коммунистов и комсомольцев...

Лукашук П.П. был завербован в агентуру польской разведки Потребо и вовлек в агентуру Мазюка С.И., Зарецкого Е.О. и Савич А.Л. Лично сам и через привлеченных собирал шпионские материалы о военном строительстве и плане, намеченном на 39-й год строительства в томском гарнизоне, о политических настроениях и экономическом положении рабочих, работающих в военстрое...

Мазюк С.И., работая в военстрое, постоянно занимался подрывной вредительской деятельностью, запугивал отчетность бухгалтерии, тем самым давал возможность расхищать строительные материалы. Вел контрреволюционную фашистскую националистическую агитацию среди проживающих поляков в г. Томске, среди которых возбуждал эмиграционное настроение, злобу и ненависть по отношению к партии, правительству...

Зарецкий Е.О. вел антисоветскую националистическую агитацию и восхвалял преимущества жизни рабочих фашистской Польши против СССР...

25 октября 1938 года Потребо, Добржанский, Лукашук и Мазюк в соответствии с постановлением "тройки" УНКВД по Новосибирской области от 19 октября 1938 года были расстреляны. Зарецкий осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, и дальнейшая судьба его теряется в этих местах "спецперевоспитания". До сведения родных, по заведенному правилу, настоявшее решение "тройки" доведено не было: все, мол, получили традиционные десять лет без права переписки.

Как написала в своих воспоминаниях дочь Лукашука Ника Павловна, после ареста отца ее мать пыталась носить передачи мужу в здание НКВД, что по просп. Ленина, но их у нее не брали, говоря, что они ни в чем не нуждаются. Написала и с тем, что ее мать очень боялась, что арестуют и ее, в этом случае восьмилетняя дочь осталась бы одна, поэтому делать запросы относительно судьбы мужа долго не решалась, и лишь в сороковом году подала жалобу на имя прокурора с просьбой о пересмотре дела. Рассматривающий жалобу помощник военного прокурора Янушевский в просьбе отказал за "необоснованностью" жалобы.

В 1957 году в "органы" написал сын Добржанского, а затем и его 105-летний отец. В результате проведенной следователем А.И.Спраговским работы было установлено, что Д.И.Потребо и другие "однодельцы" осуждены необоснованно и определением военного трибунала Сибирского военного округа от 24 октября 1958 г. реабилитированы.

В 1989 г. при личной встрече Анатолий Иванович Спраговский подробно обстоятельно своей работы по реабилитации конкретно моего земляка С.И. Мазюка и других вышеупомянутых поляков за давностью лет вспомнить не смог, отметив, что приходилось пересматривать дела на многих поляков, необоснованно осужденных в 30-е годы.

Он рассказал, что в ходе проверки архивно-следственных дел было установлено, что в отношении поляков репрессии проводились, как правило, следующим образом: по территориальному и ведомственному признаку были составлены списки поляков-мужчин от 17 лет и старше. Однако в эти черные списки попадали и женщины. Затем по спискам были проведены аресты. Обвинение предъявлялось стандартное: участие в контрреволюционной "Польской организации войсковой", шпионаж, террор... "Практическая деятельность" измышлялась и вменялась в вину в зависимости от того, какое положение он занимал в обществе до момента ареста. И так - по каждому делу, как индивидуально, так и групповому.

Мазюк Семен никогда военным не был, но по воле НКВД "стал" "военным шпионом".

Василий ХАНЕВИЧ.

«ВОЕННЫЕ»